

РЕВАНШ ГЕОГРАФИИ ОБСУЖДАЕМ НАУЧНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР Р. КАПЛАНА «МЕСТЬ ГЕОГРАФИИ»*

В.Я. Белокреницкий

Появление на русском языке книги американского журналиста, эксперта и ученого Р. Каплана, бестселлера по рейтингу «Нью-Йорк таймс», следует приветствовать, поскольку это расширяет аудиторию, заинтересованную в ознакомлении с популярной на Западе работой по геополитике. Следует сразу отметить, что перевод, как и оформление русского издания, выполнены, на мой взгляд, в целом качественно, хотя название книги, как представляется, более правильно было бы перевести, как «реванш географии», по аналогии с распространенным выражением «реванш Бога», относящимся к явлению возрождения религиозности в мире во второй половине XX в.

Переключка двух «реваншей» кажется неслучайной, так как в обоих случаях имеется в виду возврат к традиционной консервативной идеологии, ревизия либеральной, светской, модернистской парадигмы в теоретической и практической трактовке проблем мировой политики и международных отношений. Р. Каплан, судя по всему, сам проделал путь от идеалистического либерализма времен холодной войны к умеренному, но стойкому консерватизму. Его перу принадлежит свыше полутора десятка книг, которые он написал по следам своих путешествий и в итоге обобщений, сделанных из опыта преподавания, главным образом в учебных заведениях для американских военных, а также научной (библиотечной) работы. Среди первых работ Р. Каплана, родившегося в 1952 г. в Нью-Йорке и много путешествовавшего в 1970-1980-х годах по

Восточной Европе, Ближнему и Среднему Востоку, книга «Солдаты Бога: с муджахедами в Афганистане». Она вышла в свет в 1990 г. и была переиздана в 2008 г. под измененным названием и с добавленной последней главой¹. На примере этой книги видно, какие перемены претерпели взгляды автора на значение и смысл афганской эпопеи 80-х годов XX в. для США и их политики в регионе. От удовлетворения по поводу победы муджахедов, он перешел к осознанию тяжелых последствий, которые она имела в виде хаоса в Афганистане, подъема беспощадного исламского максимализма и разбалансировки всей ситуации в регионе. Более поздние работы автора, а к ним относятся не только книги, но и привлекающие к себе внимание статьи в авторитетных периодических изданиях, закрепили за ним репутацию прагматически мыслящего аналитика, стремящегося быть полезным кругам, принимающим в США ответственные внешнеполитические решения. Являясь сотрудником влиятельного Центра за новую американскую безопасность², Каплан в 2009 г. был включен, по предложению тогдашнего министра обороны Р. Гейтса, в консультативный совет Пентагона по оборонной политике. Одно время он работал в известном частном прогностическом центре «Стратфор»³. Ведущий обозреватель «Нью-Йорк таймс» Т. Фридман

¹ Kaplan, Robert D. *Soldiers of War: With Islamic Warriors in Afghanistan and Pakistan*. New York: Random House, 2008.

² Center for a New American Security

³ Stratfor (Strategic Forecast)

* Каплан Р. *Месть географии* / пер. с англ. М. Котова. – Москва: Ко-Либри, 2015. [Russian translation of: Kaplan, Robert D. *The Revenge of Geography*. New York: Random House, 2012]

относит Каплана к четырем самым читаемым авторам нехудожественной литературы в США, наряду с С. Хантингтоном, П. Кеннеди и Ф. Фукуямой.

Структура наиболее интересной для широкого круга читателей рецензируемой книги Р. Каплана (не самой последней, так как в 2014 г. вышла монография «Азиатский котел»⁴) довольно проста. В первой части помещены главы, посвященные основным вехам становления и эволюции геополитического подхода к международным делам. Вторая часть лучше всего согласуется с подзаголовком книги – «Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного». В этой части последовательно рассматривается география Европы, России, Китая, Индии, Ирана и бывшей Османской империи в качестве фактора, во многом определяющего прошлое и будущее. Третья часть наиболее спорна по структуре и узка по углу зрения. Речь в ней идет о значении для США ее взаимодействия с Мексикой и странами Центральной и Южной Америки.

Характерным для автора приемом служит соединение своего опыта журналиста и путешественника с книжным знанием, к которому он питает живой интерес и неподдельное уважение. Касаясь в первой части книги становления основных понятий геополитического анализа, автор «активизирует» наследие ее классиков, о которых пойдет речь ниже, а также таких крупных историков, как У. Мак-Нил, М. Ходжсон, А. Тойнби, которые разрабатывали проблематику цивилизаций, имеющую очевидную географическую и историческую подоплёку.

Излишне говорить, что геополитика трактуется Капланом с акцентом на географию, который выражен афоризмом англичанина Г. Иста «Природа налагает, а человек располагает»⁵. Философия автора, между тем, не сводится к географическому детерми-

низму. Она представляет собой определенный синтез ограниченного («вероятностного», по выражению французского политолога и философа Р. Арона) географического детерминизма с идеями американского либерала-гуманиста XX в. И. Берлина об отсутствии предопределенности, монизма, единой причины всех явлений, а также моральной ответственности творящих историю людей⁶.

Хотя такой подход и оставляет место для либеральных воззрений в виде свободы личности и поддержания в мире баланса сил и интересов, основное место в суждениях Р. Каплана отводится реалистическому анализу соотношения стратегических потенциалов империй и государств, которые в значительной, если не в решающей степени, зависят от объективных факторов, в первую очередь географии (физических масштабов, климата, рельефа местности) и во многом производной от нее демографии вкупе с этническим и конфессиональным составом населения. Таким образом, теоретически он стоит на сугубо реалистических (реалистских) позициях при объяснении мировой истории и международных дел⁷. Подкрепле-

⁶ Ibid. – с.58-59.

⁷ Одним из мотивов написания этой обзорной рецензии послужило то обстоятельство, что автору пришлось в свое время, вслед за П.А. Цыганковым, заняться в ходе преподавательской деятельности выделением парадигм (направлений) в философии и идеологии международных явлений. См: Белокренницкий В.Я. Восток в международных отношениях и мировой политике. – М.: Восточный университет, 2009. – С. 42-61 [Belokrennickij V.Ja. Vostok v mezhdunarodnyh otnoshenijah i mirovoj politike (The East in international relations and world politics). Moscow: Vostochnyj universitet, 2009. Pp. 42-61]; он же. Восток в мирополитических процессах. – М. ИВ РАН, 2010. – С. 43-64 [Belokrennickij V.Ja. Vostok v miropoliticheskikh processah (The East in world politics). Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2010. Pp. 43-64]. См. также главу 1 в учебнике: Мировое комплексное регионоведение. Введение в специальность. Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр, 2015. – с. 26-42 [Mirovoe kompleksnoe regionovedenie. Vvedenie v special'nost' (World comprehensive regional studies. Introduction into a subject) / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: Magistr, 2015. Pp. 26-42].

⁴ Kaplan, Robert D. *Asia's Cauldron: The South China Sea and the End of a Stable Pacific*. New York: Random House, 2014.

⁵ Каплан Р. Месть географии / пер. с англ. М. Котова. – Москва: Ко-Либри, 2015. – С. 50 [Kaplan R. Mest' geografii (The revenge of geography) / Transl. by M. Kotov. Moscow: Ko-Libri, 2015. P. 50].

ние такому взгляду на разворачивающиеся во времени явления он находит в трудах «отца истории» Геродота, а также в более поздних, но не менее ныне «почтенных» сочинениях Ибн Хальдуна (*здесь и далее приводжу написание имен по переводному изданию – В.Б.*) и Т. Гоббса.

Следует отметить, что из предшественников консервативно-реалистического подхода к мировым делам Каплан выбирает далеко не всех. В основном вне поля внимания автора оказываются Фукидид, Н. Макиавелли, Г. Гегель, К. Клаузевиц. Концентрируясь на реалистах-геополитиках, он уделяет особое внимание взглядам британского географа и политического деятеля первой половины XX в. Х. Маккиндера. Подробно излагая его концепцию Евразии как «географической оси истории», изложенную им в докладе и статье 1904 г., Каплан подчеркивает, что тот опередил время, поскольку в фокусе внимания его современников была тогда по преимуществу лишь Европа. Геополитические воззрения британца претерпевали изменения, и в 1919 г. в другой его работе, оказавшей значительное влияние на геополитическое видение мира, выдвигается представление о Евразии и Африке как о едином «мировом острове», подлинном центре международной политики. Обоснование этого факта Маккиндер находил, в числе прочего, в том, что на два этих континента приходится округленно $\frac{2}{12}$ земной площади, $\frac{9}{12}$ занимает мировой океан, а оставшаяся $\frac{1}{12}$ – доля Нового света, Северной и Южной Америки⁸.

Выпущенная в 1919 г. Маккиндером небольшая книга «Демократические идеалы и реальность» была, по мнению Каплана, свидетельством не только его приверженности приоритету географического фактора, но и отразила скрытый либерализм автора, который представлял будущее после окончания Первой мировой войны с позиций преодоления человечеством жестких рамок природы, трактуемых в духе социал-дарвинизма.

⁸ Каплан Р. Месть географии / пер. с англ. М. Котова. – Москва: Ко-Либри, 2015. – С.95 [Kaplan R. Mest' geografii (The revenge of geography) / Transl. by M. Kotov. Moscow: Ko-Libri, 2015. P. 95].

В качестве идеала для него выступало «согласие культур и народов, разных, но равных». Характерно при этом, что, будучи, по меткой характеристике Каплана, «патриотом-империалистом», он ограничивал возможность такого согласия рамками Британского содружества⁹.

Относительный либерализм Маккиндера позволяет Каплану рассматривать следующий этап в эволюции геополитики как «нацистское искажение». Глава о нем содержит мало нового с точки зрения оценки вклада немецкого географа В. Ратцеля, шведа-германофила Г. Кьеллена, который ввел в оборот сам термин «геополитика», и главной фигуры немецкой геополитической школы К. Хаусхофера. Наибольший интерес представляет, на мой взгляд, освещение им усилий двух американцев-иммигрантов из Европы Р. Штрауса-Хупе и Н. Спайкмана «спасти», реабилитировать геополитику как науку после «нацистского искажения».

Такие усилия предпринимались двумя названными американскими учеными накануне и в разгар Второй мировой войны. Реалисты в подходе к международным процессам, они делали акцент на мирном послевоенном устройстве и исходили, в частности из маккиндеровских представлений о мощи Евразийского пространства, которое олицетворял тогда СССР. Реалистическую школу анализа в США после войны по общему признанию возглавлял Г. Моргентау, заявлявший о своей «ненависти» к геополитике. Лишь со временем на смену отрицания ее «научности» пришла фактическая реабилитация дисциплины в англо-американской литературе по международным отношениям.

В послевоенный период в англоязычной геополитике особое значение приобрели понятия «Хартленд» и «Римленд» для обозначения евразийской сердцевины и ее «обода», пояса окаймляющих «сердце Земли» регионов и государств. Они как нельзя лучше соответствовали политики «сдерживания коммунизма» и борьбы за влияние в зоне «Римленда» (Китай, Индия, Ближний и Средний Восток).

⁹ Ibid. – С. 98.

Актуальным оставалось теоретическое наследие еще одного «отца геополитики», американца А. Мэхена. В многочисленных трудах, вышедших в конце XIX-начале XX вв., он отводил главную роль контролю над морским пространством. Однако «океаноцентрические» взгляды Мэхена имели, как отмечает Каплан, свои недостатки, поскольку он недооценивал возможность того, что одна сухопутная держава (такая как гитлеровская Германия) может установить господство над всем евразийским пространством, а затем бросить вызов доминированию соперников на морях¹⁰.

Заканчивая первую часть своей книги рассуждениями о «кризисе пространства», Каплан подчеркивает, апеллируя к мнению ряда авторов, пишущих о современной эпохе, что «конечность размеров земного шара» (и его полная освоенность человеком) «представляет собой проблему, порождая нестабильность, так как развитие военной техники уменьшает расстояние на геополитической карте»¹¹. Цитируя книгу американского профессора П. Брекена, вышедшую в 1999 г., Каплан подчеркивает его мысль о «подрывном характере технологий», таких как оружие массового поражения, в особенности ядерное и биологическое, компьютерные вирусы и т.п. Вместе с тем, география сохраняет свое значение на «уменьшившейся шахматной доске», ее законы продолжают действовать в новых условиях, когда «закрытая политическая система», о которой писал еще Маккиндер, стала куда более закрытой¹². Распространение ядерного оружия в Азии делает мир менее «евроцентричным» и более взрывоопасным (напомню, что книга писалась в момент, когда исключительно острой была проблема иранского ядерного оружия). География Евразии XXI в., по мнению автора, становится при этом похожа на географию Европы XIX в., когда «мощные державы постоянно воевали, будучи стесненными ограниченным пространством, и столь же постоянно закладывали мир путем политики баланса сил». Как утверждает далее Каплан, чтобы избежать насилия и

разрушений, потребуются усилия государственных деятелей масштаба Меттерниха, искусных в такой политике¹³.

Глава 8, «Кризис пространства», занимает, пожалуй, особое место в книге Каплана, поскольку расширяет спектр учитываемых им факторов в попытке объяснить такие события, как «арабская весна», и сделать предположения, весьма, как правило, неутешительные, о формирующемся будущем. Помимо тесноты евразийского пространства как следствия развития военных и коммуникационных технологий, он выделяет урбанизацию, рост мегаполисов как средоточия бедности, ринувшейся туда из деревень. Далеко не первым из авторов, Каплан считает исламский радикализм порождением урбанизации, следствием молодой структуры городского населения. Предупреждением звучат его слова об утрате мигрантами семейно-родственных связей, растущем чувстве одиночества и всевластии на этом фоне средств массовой коммуникации и информации. Призывая себе на помощь Т. Мальтуса и О. Шпенглера, а также нынешних «пессимистов и циников», он от-

¹³ В данном случае я обращаюсь к английскому оригиналу книги ввиду того, что русский перевод в этом месте более похож на пересказ и содержит, к тому же, явные неувязки: «The geography of Eurasia will become as intimate as the geography of Europe, where a myriad of powerful states, uncomfortably confined within a small space constantly fought wars with peace breaking out just as constantly through the practice of power politics... a closed geography will demand the ablest practitioners of Metternichian balance of power statescraft in order to prevent mass violence.» Paperback edition 2013, p. 118-119. Читаем в переводе: «Вскоре (Sic!) география Евразии будет столь же тесной, как география Европы, с огромным количеством мощных держав, ограниченных узкими территориальными рамками, в некоторых (???) мирные отношения устанавливаются в результате поиска баланса сил» (с. 140). И далее, для представления о вольностях перевода: «Чтобы не допустить массового насилия и кровопролития, потребуются знающие государственные деятели масштаба Меттерниха, которые, как и он, будут убеждены в необходимости подчинения интересов любого отдельного государства интересам сообщества государств в целом» (с.141).

¹⁰ Ibid. – С. 127.

¹¹ Ibid. – С. 136-137.

¹² Ibid. – С. 150.

мечает одичание толпы, ее разрушительную силу и охватывающие человеческое общество апатию и скуку. С практической точки зрения значимой представляется затерянная среди массы других заключений, пусть не новых, но верных, в том числе подтверждающих роль географии, но не ее «единовластие», такая сентенция автора – нагромождение цивилизаций на одной территории (Евразии, Большого Ближнего Востока) приведет к тому, что один кризис будет сменяться другим, а «нужда в тихой, закулисной дипломатии» станет столь «огромной, как никогда прежде»¹⁴.

Вторую часть книги, посвященную отдельным наиболее важным геополитическим регионам, открывает глава о Европе. Автору приходится оправдывать такой свой выбор, поскольку для большинства аналитиков европейские дела отошли в XXI веке на второй план, уступив «афро-азиатским». По мнению Каплана, значение Европы по-прежнему велико, а будущее континента не представляется ему безоблачным и предопределенным. Совершая обширный экскурс в историю, он сравнивает положение Священной Римской империи на карте средневековой Европы с ролью Германии на современной. Поскольку немецкий федерализм, замечает Каплан, уходит корнями в небольшие независимые государства, возникшие еще во времена Тридцатилетней войны XVII в., в нынешней Германии нет жесткого централизованного управления. А это вместе с другими факторами (такими как «свежая память о войнах и страх перед разрушениями») объясняет феномен «мощного пацифизма». В то же время географическая протяженность страны, сочетающей в себе сухопутную и морскую ипостаси, позволяет Германии выполнять функции соединения морского севера континента с югом и востоком. Крупнейшим событием в этом отношении Каплан считает германо-польское примирение середины 1990-х годов. Ссылаясь на Зб. Бжезинского, он отмечает возможное

распространение влияния Германии на широкий пояс государств Восточной Европы – от Балтии до Украины¹⁵.

Большой демографический потенциал (500 млн человек) делает объединенную Европу сопоставимой с другими крупными регионами, хотя географически она является лишь «западным наростом» на теле Азии¹⁶. Предупреждая против уверенности в конечном успехе объединенной Европы, Каплан уделяет внимание ключевой роли Греции, отмечая ее равноудаленность, как в географическом, так и в духовном плане, от Москвы и Брюсселя. Позиция автора в этом, как и во многих других случаях, объясняется актуальностью темы на момент написания книги (греческий экономический кризис, победа левых на выборах). Однако тезис Каплана о том, что «индикатором успешности Европейского проекта будет служить Греция»¹⁷, остается на данный момент, как будто, справедливым, но по той же главным образом причине, что она является основными «воротами Европы» для беженцев из Азии. «Пророчески» воспринимаются, кстати, сегодня записанные Капланом слова Й. Йоффе, американца немецкого происхождения, сказанные в 2010 г.: «Угроза Европе исходит не от солдат с винтовками, а от армий беженцев»¹⁸.

Глава о России показалась в целом не слишком оригинальной, поскольку автор в ней опирается на хорошо известные положения западных авторов, таких, например, как Дж. Биллингтон, об особенностях российской истории и культуры. В геополитических интерпретациях Каплан во многом следует за Бжезинским, ссылаясь на его книгу «Великая шахматная доска», вышедшую в 1997 г. Свообразным можно считать разве что акцент на такой естественной преграде для России, как Кавказ, ограничивающий ее с юга, и сравнительно мягкий (текст книги формировался до 2012 г.) подход к ее актуальной международной политике. С географических позиций у России, по мнению Каплана, имеется не только большое прошлое,

¹⁴ Каплан Р. Месть географии / пер. с англ. М. Котова. – Москва: Ко-Либри, 2015. – С. 149 [Kaplan R. Mest' geografii (The revenge of geography) / Transl. by M. Kotov. Moscow: Ko-Libri, 2015. P.149].

¹⁵ Ibid. – С.169-170.

¹⁶ Ibid. – С.156.

¹⁷ Ibid. – С.171.

¹⁸ Ibid. – С.170.

но и будущее. Вслед за Маккиндером, он полагает, что она имеет объективно наибольшие основания для контроля над «Хартлендом», но этому мешает уже состоявшееся разбегание «империи», в частности, возникновение независимых государств в Средней Азии, а также возросшие претензии Китая. И хотя глубинное сходство культуры и единое географическое пространство сохраняют потенциал евразийского проекта, для его реализации необходима привлекательная идеология, источник которой он видит только в одном – последовательном осуществлении проекта либерализации экономики и демократизации политики¹⁹.

Помимо этих спорных упований, в главе о России автор допустил ряд явных неточностей, удивляющих еще и потому, что ему помогал целый штат сотрудников. В английском издании фигурирует название Сталинград как современное, а в числе городов, куда переместился политический центр Руси после нашествия монголов, наряду с Новгородом, Владимиром и Москвой, назван Смоленск²⁰. Надо отметить, что переводчик «пощадил», как автора, так и читателя, исправив, не оговаривая, первую из ошибок, оставив без внимания вторую и дав единственное примечание к утверждению автора о том, что СССР на первых порах состоял из трех союзных республик и 11 автономных республик и областей²¹.

Анализируя географическую мощь Китая, Каплан, как кажется, весьма удачно воскрешает дух Маккиндера. Тот в 1919 г. предсказывал, что, если Евразия вместе с Африкой когда-либо образуют «мировой остров», то Китай с его устремлениями в сторону того и другого континента, в конечном счете, будет определять направление развития всего мира, построив «новую цивилизацию, которую нельзя будет назвать ни полностью восточной, ни полностью западной»²².

Согласно геополитическому (маккиндеровскому) подходу, Россия – это сухопутная держава, в то время как Китай сочетает

в себе признаки, как сухопутного, так и морского могущества. Претендуя, как и Россия, на господство в «Хартленде», Китай одновременно ориентирован и на «Римленд», прежде всего на Юго-Восточную Азию и Корею.

Затрагивая перспективы объединения Кореи (весьма гипотетические), автор замечает, что единая Корея, скорее всего, будет националистической, «исподлобья посматривающей» на своих больших соседей – Японию и Китай. Но корейская неприязнь к Японии значительно сильнее, чем к Китаю. И потому будущая Корея вполне может стать частью «Великого Китая» – так в переводе с использованием кавычек передается английский термин Greater China, который в нашей литературе нередко передается другим названием – «Большой Китай» или «Большая Восточная Азия»²³.

Наиболее перспективным направлением для реализации «имперских амбиций» Китая является, по словам Каплана, «относительно слабо развитый регион Юго-Восточной Азии». При этом он, прежде всего, имел в виду Мьянму и полагал, что Китай быстро продвинется через ее территорию в Бенгальский залив с его газовыми месторождениями на шельфе²⁴. Хотя с момента выхода книги в расстановке сил в регионе, в том числе в Мьянме, произошли существенные изменения, направление вероятной экономической экспансии указано,

²³ См: «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации. Под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО-Университет, 2010 [«Bol'shaja Vostochnaja Azija»: mirovaja politika i regional'nye transformacii ("The Greater East Asia": world politics and regional transformations) / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: MGIMO-Universitet, 2010]. Термин «Большой Китай» см. с.20. Кстати, только в случае с Китаем переводчик предпочитает понятие «Великий», в остальных местах с употреблением термина «Greater» он использует слово «Большой», что правильнее, поскольку «Великий» соответствует «Great».

²⁴ Каплан Р. Местъ географии / пер. с англ. М. Котова. – Москва: Ко-Либри, 2015. – С. 222 [Kaplan R. Mest' geografii (The revenge of geography) / Transl. by M. Kotov. Moscow: Ko-Libri, 2015. P.222].

¹⁹ Ibid. – С.199.

²⁰ Ibid. – С.179.

²¹ Ibid. – С.189-190.

²² Ibid. – С. 201.

безусловно, верно. Однако предвидимого в книге превращения города Куньмин (столицы юго-восточной провинции Юньнань) в аванпост решительного броска Китая с суши на море следует, видимо, подождать.

Каплан, надо отметить, весьма благоприятно оценивает перспективы КНР, утверждая, что Китай «никогда больше не скатится до полного хаоса»²⁵. Вместе с тем, китайская географическая специфика такова, что путь превращения в «ведущую мировую державу» будет непростым. Автор обращает внимание на особенности распределения китайского населения, его концентрацию вдоль побережья и крайне малонаселенные внутренние, западные и северо-западные, районы. С одной стороны, это создает прокладку, необходимую для безопасности демографического центра тяжести, а с другой, заставляет думать о безопасности самих этих районов, уделяя повышенное внимание проектам закрепления там своего присутствия и продвижения за их границы путем расширения в сторону, как Центральной, так и Южной Азии.

Морское измерение Китая также ставит перед ним и миром много проблем. Не останавливаясь на спорах по поводу островов в Южно-Китайском море, Каплан подчеркивает, что главнейшим для морской сферы влияния вопросом является будущее Тайваня. Пекин ныне окружает Тайвань тесным военным кольцом и оказывает на него мощное давление через экономическую и социальную сферы. Противоречия по поводу судьбы острова традиционно накаляют отношения между Китаем и США, которые борются за преобладание по периметру китайских морских границ в зоне так называемой «первой островной цепи». По убеждению автора, «у Поднебесной нет в обозримом будущем намерений атаковать американские авианосцы». Однако становление Китая как морской державы происходит неуклонно, и с течением времени китайско-американская «шахматная партия» будет определяться не только такими факторами, как торговля и займы, но и «конкретной географией потенциальных сфер влияния Китая в Азии»²⁶.

²⁵ Ibid. – С.211.

²⁶ Ibid. – С. 232-233.

Если Россия, как замечает Каплан, географически господствует в северной части Евразии (к северу от 50-го градуса по широте), то Китай занимает во многом такую же позицию в южной (к югу от нее). Но его простирацию с востока на запад «мешает» Индия, которая «в качестве тупого географического клина» рассекает широкую сферу китайского влияния²⁷. Поэтому, несмотря на ныне взаимовыгодные торговые отношения, в силу своей географии Китай и Индия неизбежно должны быть в определенной степени соперниками. Делая, как и в главе о Китае, довольно пространные экскурсы в историю Индии, Каплан выделяет такие ее отличительные черты, как географическую разнородность и политическую разобщенность, сменявшуюся в редких случаях (империи Маурьев, Моголов и британцев) централизацией власти на севере Индии, с трудом распространявшейся на юг. Хотя в качестве субконтинента, замечает автор книги, современная Индия «имеет выдающийся географический смысл, ее природные границы местами весьма слабы»²⁸.

В нынешнюю эпоху «Большой индийский субконтинент» представляет собой одно из самых нестабильных мест в мире. Особенно опасна ситуация с безопасностью из-за ядерного оружия, которым владеют и Индия, и Пакистан. Последний, кстати, не удостоивается комплиментов со стороны автора, отказывающего ему и в «географической логике», и в политической зрелости. Автор указывает на подрывную активность пакистанской военной разведки в Афганистане, «оправдывая» географическими доводами заинтересованность Индии в его делах.

Нельзя не согласиться с автором, когда он пишет, что соперничество Индии с Китаем более абстрактно, менее эмоционально, чем противостояние с Пакистаном. Но Китай строит и модернизирует порты вокруг Индии (в последнее время, добавлю, особенно активно как раз в Пакистане) и оказывает значительную военную и финансовую помощь окружающим ее странам. Напряжение между двумя державами иллюстрирует

²⁷ Ibid. – С. 220.

²⁸ Ibid. – С. 250.

«проблему успешности», когда экономический подъем конвертируется в военную мощь²⁹.

Если современная Индия стремится выйти за рамки своих границ, освободиться от «оков географии», то Иран пытается утвердить себя, по представлениям Каплана, в уникальной роли географической «оси» Ближнего Востока³⁰, главного выразителя могущественного и уникального культурно-религиозного наследия³¹. Утверждая, что приход к власти в Иране аятолл (религиозных шиитских лидеров) стал мрачным событием в плане насилия, Каплан находит, что режим духовенства в то же время «поражал активностью и современностью» и с течением времени «хорошо переплелся» с иранским государством. Предполагая, что Иран может сыграть стержневую роль в будущем не только Большого Ближнего Востока, но и Евразии, автор книги обращает внимание на культурный багаж страны, более утонченный, чем у соседей – турок и арабов. Поправляя Маккиндера, он даже предлагает переместить воображаемую ось «Хартленда» с центральноазиатских степей на Иранское нагорье³². Главным препятствием на пути реализации ключевой миссии Каплан считает отсутствие у современного Ирана той

«просвещенности», какую несли народам иранские империи прошлого³³.

Как и в случае с Россией, Каплан уподобляет на грядущую демократизацию Ирана, более свободную интеллектуальную атмосферу и меньшую централизованность управления с учетом значительной массы азербайджанских, курдских и других меньшинств. По его словам, «Иран часто был скорее не государством, а многонациональной империей без четких границ. Его истинные масштабы никогда не соответствовали официальным картографическим рамкам – будучи или меньше, или больше»³⁴.

Каплан выделяет три крупные массива на карте Ближнего Востока – Аравийский полуостров, Иранское нагорье и Малую Азию (Анатолию), отмечая, что на каждом из них доминирует одно современное государство³⁵. Отношение автора книги к саудовскому королевству довольно критическое, его он считает ответственным за распространение жесткого суннитского консерватизма (ваххабизма), противопоставляя зашоренность суннитских улемов изошренности шиитских богословов. Саудовское государство, отмечает он, сосредоточено на области Неджд, где расположена столица Эр-Рияд, а уже в Хиджазе (со священными городами Меккой и Мединой) жители тяготеют к культуре Египта и Сирии, а не к культуре суровой пустыни Неджд и «обитающих в ней ваххабитов»³⁶.

Главную опасность для Саудовской Аравии, весьма точно прогнозирует Каплан, представляет Йемен, где находится важнейшее демографическое ядро Аравийского полуо-

²⁹ Ibid. – С. 267.

³⁰ В английском оригинале – Middle East, термин Средний Восток в переводе используется лишь однажды, скорее, по недосмотру, чем исходя из контекста; в нашей литературе для передачи этого геополитического понятия применяют часто термин Ближний и Средний Восток, а под собственно Средним Востоком имеют в виду иногда широтный пояс от Турции до Афганистана.

³¹ Каплан Р. Месть географии / пер. с англ. М. Котова. – Москва: Ко-Либри, 2015. – С. 290 [Kaplan R. Mest' geografii (The revenge of geography) / Transl. by M. Kotov. Moscow: Ko-Libri, 2015. P.290].

³² Тема Ирана как регионального центра обсуждается в ряде работ, в том числе отечественных – см: Роль и место Ирана в регионе. Отв. ред. Н.М. Мамедова, М. Иманипур. – М.: Институт востоковедения РАН, 2007 [Rol' i mesto Irana v regione (The role of Iran in the region) / Ed. by N.M. Mamedov, M. Imanipur. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 2007].

³³ Каплан Р. Месть географии / пер. с англ. М. Котова. – Москва: Ко-Либри, 2015. – С. 298 [Kaplan R. Mest' geografii (The revenge of geography) / Transl. by M. Kotov. Moscow: Ko-Libri, 2015. P.298].

³⁴ «Iran has often been less a state than an amorphous, multinational empire. Its true size would always be greater and smaller than any officially designated cartography», Paperback edition, p. 283.

³⁵ Каплан Р. Месть географии / пер. с англ. М. Котова. – Москва: Ко-Либри, 2015. – С. 277 [Kaplan R. Mest' geografii (The revenge of geography) / Transl. by M. Kotov. Moscow: Ko-Libri, 2015. P.277].

³⁶ Ibid. – С. 278.

строва. Турки-османы и британцы никогда в действительности не контролировали Йемен, там не прижились сильные бюрократические институты, а молодое население в конце 2000-х годов было поголовно вооружено (80 млн единиц огнестрельного оружия пришло на примерно 30 млн йеменцев)³⁷.

Если Иранское нагорье – важнейшее географическое формирование на Большом Ближнем Востоке, то за ним по значению следует полуостров Анатолия, выдвинутый далеко на запад. Иран и господствующая в Анатолии Турция – важнейшие элементы «Римленда». Они наиболее развиты как в сельскохозяйственном, так и в промышленно-технологическом отношении. Турция, как и Иран, имеет свою сферу влияния, в которую «входят (по часовой стрелке) Балканы, Черное море, Украина, южная часть России, Кавказ и арабский Ближний Восток»³⁸. Вызывает удивление включение в сферу турецкого влияния южной России. Очень скоро оказался опровергнутым и следующий за этим пассажем тезис автора, который, ссылаясь на основателя «Стратфора» Дж. Фридмана, утверждает, что Турция является «островом стабильности посреди моря хаоса»³⁹. В турецкой ситуации в последние годы произошли существенные перемены, что сделало некоторые из заключений автора о ее внешней политике явно устаревшими.

Более релевантными оказываются предсказания Каплана относительно Сирии. «География и история, – пишет он, – говорят о том, что Сирия с населением 20 млн человек по-прежнему будет эпицентром волнений в арабском мире»⁴⁰. За несколько лет до появления ИГИЛ (одиозного ныне Исламского государства Ирака и Леванта) автор книги подчеркивает: «...вслед за Ираком и Афганистаном следующей целью суннитских джихадистов могла бы стать сама Сирия»⁴¹.

Трудно высветить все сюжеты, затронутые автором в главе о бывшей Османской

империи. В них достаточно много отсылок к собственным впечатлениям автора от поездок по региону и бесед с некоторыми из встреченных ими людьми. Завершив обзор круга или эллипса Евразийской геополитики, Каплан в заключительной, короткой части книги обращается к вопросу о том, в чем состоят главные геополитические интересы Америки.

Выше уже была отмечена несколько странная композиция этой части. Каплан начинает ее с высокой оценки французской школы Анналов и особенно книги Ф. Броделя о средиземноморском мире в эпоху Филиппа II (вторая половина XVII в.). Это понадобилось ему для того, как кажется, чтобы провести аналогию между значением Средиземноморья для Средневековой Европы и ролью Карибского бассейна для современной Америки. Но делает он это сравнение косвенно, обращаясь к идеям Броделя о «длинных волнах», «событийной истории», и подчеркивая, что хотя у французского историка нет особой геополитики, он, в определенном смысле, – «итоговое воплощение» политических геостратегов⁴². Выдает замысел автора книги разве что карта Карибского бассейна, размещенная как раз между страницами о Броделе, и рассказ о том, как проходила закрытая конференция в Вашингтоне в июне 2009 г., где горячо обсуждалась ситуация в «АфПаке», т.е. в Афганистане и Пакистане, с их проблемой талибов (джихадистов). Именно тогда перед автором книги возник вопрос, а какое значение имеют для Америки проблемы столь удаленного от нее региона, не заслуживают ли столь же пристального внимания кризисы вблизи от ее границ. Иначе говоря, не являются ли события в Евразии «рябью на воде» истории, и не упускает ли Америка из виду более крупные вызовы, которые вызревают в Мексике, по ту сторону от ее протяженной и географически никак не обусловленной южной границы?

Характеризуя положение в Мексике на тот момент, как в перспективе чреватое коллапсом, Каплан вслед за одним из участников конференции задается вопросом, а

³⁷ Ibid. – С. 279-279.

³⁸ Ibid. – С. 303.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid. – С. 327.

⁴¹ Ibid. – С. 328.

⁴² Ibid. – С. 341.

не стоит ли перенаправить миллиарды денег и усилия многих тысяч американцев с Ирака и Афганистана на своих соседей по континенту. Он напоминает, что разница между доходами населения в США и Мексике является наибольшей среди любых двух сопредельных стран в мире, поскольку американский ВВП в 9 раз превосходит ВВП Мексики⁴³. Численность мексиканцев, между тем, равнялась 111 млн. Вместе с населением Центральной Америки в 40 млн она составляла половину числа жителей США.

Призывая Вашингтон помогать Мексике и добиваться в будущем создания сплоченного, вместе с ней и Канадой, двузычного (англо-испанского) «сверхгосударства», Каплан не отказывается от идеи более широкой американской миссии. Он предостерегает против изоляционизма и оправдывает участие США в разрешении конфликтов по всему миру. Геополитический аспект такой политики сводится, по его мнению, к тому, что США не должны допустить «излишнего доминирования» какой-либо одной державы в Восточном полушарии, что могло бы угрожать положению США в Западном. «Эта задача станет значительно проще для выполнения, если на первое место мы выдвинем единство сил в Западном полушарии»⁴⁴.

Заканчивая, стоит подчеркнуть, что книга Роберта Каплана лишена привкуса мистицизма и эссенциализма, темы извечной борьбы «теллуократии» и «талассократии» (сил суши и моря), которыми грешат некоторые геополитические сочинения. Нашему читателю непривычно отсутствие в работе социально-политического анализа, обсуждения проблем внутренней динамики государств и борьбы различных подходов к международным вопросам. Вместе с тем, книга позволяет лучше понять логику внешнеполитических решений США и атмосферу, в которой они принимаются. Существенным представляется (помимо географических реминисценций) рефрен о постоянной сменяемости в истории состояний мира и войны. Он нашел отражение и в

эпиграфе из сочинения французской писательницы М. Юрсенар, заканчивающемся словами: «Неизбежны новые падения, новые катастрофы; хаос будет торжествовать; но временами и порядок тоже будет брать верх»⁴⁵.

⁴³ Ibid. – С. 351.

⁴⁴ Ibid. – С. 365.

⁴⁵ «Catastrophe and ruin will come; disorder will triumph, but order will too from time to time».

Реванш географии

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий, д.и.н., профессор Кафедры востоковедения МГИМО МИД России, зам. директора Института востоковедения РАН

Аннотация: В данной работе автор размышляет над знаменитой книгой американского журналиста и эксперта Р. Каплана в связи с выходом русского перевода этой книги: Каплан Р. Месть географии / пер. с англ. М. Котова. – Москва: Ко-Либри, 2015.

Ключевые слова: геополитика, география, политика, международные отношения, война, мировая политика.

The Revenge of Geography

Viacheslav Iakovlevich Belokrenitsky, Dr. of History, Professor of the Department of Asian and African Studies (MGIMO University), Deputy Director of the Institute for Oriental Studies of the Russian Academy of Science

Abstract: This author discussed the prominent book of American journalist and expert Robert D. Kaplan in the light of the recent publication of its Russian translation: [Kaplan R. Mest' geografii (The revenge of geography) / Transl. by M. Kotov. Moscow: Ko-Libri, 2015. P.277].

Key words: geopolitics, geography, politics, international relations, war, world politics.